В.Л. Степанов
д.ист.н., главный научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)

ГЕРХАРТ ФОН ШУЛЬЦЕ-ГЕВЕРНИЦ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается анализ состояния российской промышленности второй половины XIX в., предпринятый видным представителем немецкой исторической школы Г. фон Шульце-Геверницем. Он указал на ряд существенных недостатков процесса индустриализации: высокую концентрацию и дороговизну капитала, низкую производительность труда, слабую специализацию предприятий и комбинирование на них различных стадий производственного процесса, значительный коэффициент брака, крайне тяжёлые условия труда и быта рабочих, большие расходы на администрацию и заработную плату, и т.п. Однако автор односторонне трактовал причины этих явлений, не принимая во внимание различия в природно-географических условиях Российской империи и Западной Европы, неизбежные издержки качественного характера, сопутствовавшие стране «догоняющего» развития при ускоренной трансформации. Тем не менее Шульце-Геверниц с оптимизмом оценивал перспективы развития российской промышленности. Он утверждал, что по мере расширения экономических связей с Западом исчезает «меркантилистическая замкнутость» России, возрастает предпринимательская активность, в широких слоях населения происходит становление европейского психологического типа. При этом автор связывал успехи крупной индустрии прежде всего с заимствованием опыта передовых стран и привлечением иностранного капитала, но при этом явно недооценивал роль отечественного предпринимательства. Шульце-Геверниц строил свои общие выводы на основе изучения хлопчатобумажного производства, и всё сравнение с Западом шло только по линии сопоставления с этой же отраслью Великобритании. Кроме того, он ограничил своё исследование главным образом текстильными предприятиями центральных губерний, не уделяя должного внимания другим промышленным районам, где имелась своя специфика.

Ключевые слова: *немецкая историческая школа, капитализм, промышленность, хлопчатобумажное производство, торговля, протекционизм, таможенная охрана, наёмный труд.*
JEL: B14; B15; B31; F13; N64, N73
УДК: 338(091)
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_191_199
© В.Л. Степанов, 2026
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Степанов В.Л.* Герхарт фон Шульце-Геверниц об особенностях промышленного развития России // Вопросы теоретической экономики. 2026. №4. С. 191–199. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_191_199.
FOR CITATION: *Stepanov V.* Gerhart Von Schulze-Gaevernitz on the Peculiarities of Industrial Development in Russia // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 4. Pp. 191–199. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_191_199.

Герхарт фон Шульце-Геверниц (1864–1943) был видным немецким экономистом и политиком. Он происходил из семьи предпринимателей, провёл детство в Бреслау, где на хлопчатобумажной фабрике своего деда наглядно ознакомился с процессами промышленного производства. В 1882–1885 гг. Шульце-Геверниц изучал право в университетах Гейдельберга, Берлина и Гёттингена, получив в итоге докторскую степень по этой специальности. Через несколько лет состоялось его знакомство с одним из крупнейших представителей «молодой» немецкой исторической школы Л. Брентано, под влиянием которого он увлёкся экономическими учениями и проблемами индустриализации. Шульце-Геверниц неоднократно посещал Великобританию, был впечатлён идеями Т. Карлейля о возникновении нравственно-духовных связей между владельцами промышленных предприятий и наёмными рабочими, опубликовал в 1890 г. двухтомный труд о движении этой страны к социальной гармонии и в следующем году стал доктором философии Лейпцигского университета. В 1893 г. он занял должность доцента Фрайбургского университета, а в 1896–1923 гг. состоял в нём профессором. В дальнейшем Шульце-Геверниц проявил себя и как политический деятель: в 1912–1918 гг. он был членом Рейхстага от Прогрессивной народной партии, а в 1919–1920 гг. — членом Национального собрания от Германской демократической партии, в 1926 г. возглавил научный отдел Международного института интеллектуального сотрудничества — органа Лиги Наций, который служил независимой площадкой для академического и культурного взаимодействия.

Как учёный Шульце-Геверниц находился под влиянием неокантианства, а затем обратился к изучению марксизма, однако не принял его идею порочности существующего экономического уклада общества и неизбежности его революционного переустройства. Он выдвинул концепцию «организованного капитализма», при котором «промышленное государство» осуществляет сознательное регулирование, подменяющее действие «автоматически функционирующих экономических законов». По мнению Шульце-Геверница, концентрация финансов и банков ведёт к «социальному миру», а не к краху системы. Международное признание получила его книга о ланкаширских хлопчатобумажных фабриках, изданная в Лейпциге в 1892 г. Спустя пять лет вышел в свет её русский перевод, выполненный видным большевиком Л.Б. Красиным с предисловием П.Б. Струве, который высоко ценил труды немецкого экономиста [*Пайпс*, 2001. С. 120]. Струве писал, что эта работа представляет собой «самое тщательное монографическое исследование по социальной истории английской промышленности». По его словам, Шульце-Геверниц не только охарактеризовал стадии развития данной отрасли, но и справедливо указал на крупные успехи, достигнутые рабочими в борьбе за повышение своего жизненного уровня. Вместе с тем он упрекнул его в слишком «радужной» оценке системы свободной конкуренции, в идеализации британских экономических отношений и положения английского рабочего класса [*Шульце-Геверниц*, 1897. С. I–XX].

Шульце-Геверниц проявлял интерес к истории и современному состоянию народного хозяйства России, что было характерно для целого ряда германоязычных авторов той эпохи — экономистов, публицистов, дипломатов. В своих исследованиях они использовали законодательные акты, статистические данные, периодику, справочные издания, программные документы политических партий, труды русских учёных. Некоторые из них посещали Россию, находились там по долгу службы, работали в банковской системе, получали информацию от частных лиц и тем самым имели возможность основываться на собственных наблюдениях. Особого внимания заслуживают исследования Э. Агада, Г. Бернхарда, В. Витчевского, К. Гельфериха, Р. Клауса, П. Рорбаха, О. Хетча и др. [*Дорожкин*, 2004. С. 19–20, 36–38, 321–322]. Шульце-Геверниц, безусловно, внёс солидный вклад в развитие этого научного направления и заслужил репутацию одного из лучших в Европе знатоков российской экономики. Ему удалось получить разрешение министра народного просвещения И.Д. Делянова в течение семестра 1892–1893 гг. заниматься в Московском университете.

Он изучал источники и специальную литературу, общался с представителями самых разных общественных течений, неоднократно совершал поездки по стране, в частности весной 1893 г. осмотрел многие предприятия Московской и Владимирской губерний.

Вернувшись в Германию, Шульце-Геверниц поместил серию статей о российской хлопчатобумажной промышленности центрального региона России в «Ежегоднике по законодательству, управлению и народному хозяйству» (№№2–3 за 1896 г.), который издавал в Лейпциге Г. фон Шмоллер. Эта публикация вызвала большой интерес в России, и в 1899 г. в Москве отдельной книгой вышел её русский перевод, сделанный будущим большевиком Б.В. Авиловым и снабжённый его предисловием. Он признал Шульце-Геверница «компетентным лицом», «одним из знатоков истории хозяйственного быта», поэтому его оценка явлений экономической жизни страны «заслуживает, быть может, гораздо большего внимания, чем многие русские исследования». Как и Струве, Авилов отметил заслугу автора в обосновании связи между прогрессом промышленности и улучшением положения наёмных рабочих, подчеркнув, что эта тенденция отнюдь не разрешает полностью социальный вопрос при капитализме из-за противоположности интересов антагонистических классов. По его утверждению, немецкий учёный видит в развитии крупного производства передовых стран основу для постепенного наступления «социального мира» и тем самым игнорирует «обратную сторону медали» — экспроприацию населения и порабощение пролетариата [*Шульце-Геверниц*, 1899. С. V–VIII].

В 1899 г. Шульце-Геверниц издал в Лейпциге фундаментальную монографию «Очерки общественного хозяйства и экономической политики России», в которой дал развёрнутую характеристику аграрного сектора страны, её торговли, денежной реформы 1895–1897 гг., а также промышленности, включив в качестве отдельной главы «Очерков…» свою книгу о хлопчатобумажной отрасли центральных губерний. Спустя два года этот труд вышел в Петербурге на русском языке, переведённый Б.В. Авиловым и П.П. Румянцевым. Автором предисловия вновь стал П.Б. Струве, который назвал Шульце-Геверница «умным и учёным иностранцем», сторонником свойственного исторической школе «экономического материализма», который при проведении исследования опирался на «солидные знания». Вместе с тем он отрицательно отозвался о его «буржуазных симпатиях» и «буржуазно-оппортунистической позиции», упрекнул в «исключительном внимании к чисто экономическим факторам», в «несколько узком и шаблонном схематизме экономического понимания истории», указал на нередкие «рискованные обобщения, насильственно упрощающие действительность и несостоятельные перед лицом более глубокого и пристального изучения фактов» [*Шульце-Геверниц,* 1901. С. VII–VIII, XI–XII].

Как отмечал Струве, Шульце-Геверниц «по своей далёкости от живой русской действительности часто недостаточно чуток к своеобразным хозяйственным сторонам нашей жизни». Он, например, сводит годы реакции при Александре III к доминированию крупной московской промышленной буржуазии, которая, якобы, влияла не только на усиление таможенной охраны, но и на весь характер внутренней политики, и на общественные настроения этого периода. Между тем общеизвестно, что правление «Царя-миротворца» было эпохой «дворянских веяний» и целого комплекса правительственных мер по поддержке класса землевладельцев. Кроме того, говорилось в предисловии, Шульце-Геверниц не понимает, что в России, в силу её особенностей, буржуазия может играть «глубоко реакционную роль» и пытаться сочетать современный экономический строй с выгодными для её господства «примитивными общественными и культурными формами и условиями». Неверным, с точки зрения Струве, является и противопоставление автором периодов общего курса правительства 1880-х и 1890-х гг., так как на самом деле между ними нет каких-либо коренных различий [Там же. С. XI, XII, XIV].

Взгляды Шульце-Геверница неоднократно оспаривались и другими авторами. Так, теоретик исторической школы Г. фон Шмоллер в рецензии на книгу о ланкаширской

промышленности заявил, что «такая оптимистическая вера в социальную гармонию остаётся только верой, а не результатом строгой науки» [*Schmoller*, 1893. S. 159]. В наибольшей степени немецкого учёного критиковали марксисты. В.И. Ленин неоднократно обращался к его работам как к содержательному эмпирическому источнику при изучении финансовых рынков, концентрации банков, вывоза капитала, колониальной политики мировых держав и в то же время именовал его «мерзавцем», «апологетом немецкого империализма» и «авторитетом для империалистов всех стран», в опусах которого звучит «тон ликующего германского империализма, торжествующей свиньи!!!!» [*Ленин*, 1962. С. 34, 38; *Ленин*, 1969. С. 335, 344]. Р. Люксембург назвала труды Шульце-Геверница одним из идейных источников для «ревизиониста» Э. Бернштейна, превратившего «здание марксовой системы» в «большую кучу мусора», а также для бывшего марксиста В. Зомбарта, ставшего приверженцем «вульгарной экономии» [*Люксембург*, 1959. С. 80, 124, 129].

В «Очерках…» немецкий учёный много рассуждал об особенностях развития российской индустрии. По его словам, православная страна, унаследовавшая византийскую культуру, по сравнению с католической и протестантской Европой представляла собой «совершенно своеобразный мир», который не пережил ни эпохи Возрождения, ни Реформации, положивших начало духовному освобождению человечества и становлению индивидуалистского начала. В России, представлявшей собой основанную на завоевании азиатскую монархию, власть враждебно относились ко всякому проявлению свободы личности. Западные идеи и образцы законодательства воспринимались и усваивались только в случае их соответствия специфическим «хозяйственным потребностям» страны. В экономике до конца XVII столетия царило натуральное хозяйство со слаборазвитой торговлей, а основными субъектами промышленного производства были помещичьи предприятия и крестьянские промыслы, поэтому не было основы для возникновения буржуазии [*Шульце-Геверниц*, 1901. С. 3–9, 11 12].

Как отмечал Шульце-Геверниц, Пётр I пытался «европеизировать» страну меркантилистскими методами. В Европе такая политика основывалась на деятельности «денежно-торгового класса», который использовал государство как орудие в своих интересах. Однако в России осуществляемое властью внеэкономическое принуждение заменило естественное стремление индивидуума к выгоде и преуспеванию. Император стремился сделать Россию великой державой, поэтому поставил перед собой цель создать военно-промышленный комплекс и обеспечить финансирование многолетних боевых действий. При нём произошло резкое усиление этатизма в экономике — ужесточение крепостного права, значительный рост таможенной охраны, строительство казной фабрик и заводов, которые затем передавались в управление частным лицам с предоставлением льгот и привилегий, введение государственных монополий на производство и продажу ряда товаров первой необходимости, обременение разорительными налогами купечества и других сословий. В итоге «государство получило вид одного гигантского хозяйства и напоминало собой средневековые монархии, но под меркантилистической оболочкой», а сам император стал «не только крупнейшим купцом, но и первым фабрикантом в своей стране». Как отметил Шульце-Геверниц, в Европе такие методы, правда, в менее жёсткой форме, применялись только в Пруссии, которая, как и Россия, вплоть до середины XIX в. оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной [Там же. С. 4, 10–18, 27–30, 34].

Немецкий экономист считал, что политика Петра I не имела существенного успеха. В промышленности сосуществовали два сектора — крестьянские промыслы, излишки продукции которой реализовывались на ярмарках и вразнос, удовлетворяя потребности широких слоёв населения, а также мануфактуры, занимавшиеся обслуживанием нужд армии, флота, императорского двора и дворянства. Индустриальное развитие тормозилось неосвоенностью огромных природных богатств, низким уровнем обмена и торговли, несовершенством путей сообщения, узостью внутреннего рынка, отсутствием тесных

экономических отношений с передовыми странами, использованием на производстве подневольного труда крепостных крестьян, технологическим застоем, зависимостью фабрикантов и заводчиков от казённых заказов, излишней регламентацией и бюрократизацией в работе предприятий, недостаточностью «индивидуалистических побудителей» и конкуренции в коммерческой жизни, менталитетом дворянства, рассматривавшего предпринимательство как занятие, несовместимое с честью высшего сословия. С точки зрения автора, такие деяния Петра I, как приглашение иностранцев в Россию, отправка молодёжи за границу с научными и учебными целями, строительство Петербурга и завоевание Прибалтики имели бóльшее значение для промышленного роста, чем «искусственно основанные фабрики» [Там же. С. 8, 30, 34–35, 37–42].

Шульце-Геверниц указал, что после Крымской войны 1853–1856 гг. и отмены крепостного права в 1861 г. Россия раз и навсегда встала на путь становления «капиталистического» хозяйства — начались бурное железнодорожное строительство, основание банков и промышленных предприятий, формирование рынка вольнонаёмной рабочей силы. Автор сосредоточил своё внимание на исследовании ведущей в то время хлопчатобумажной отрасли, сконцентрированной преимущественно в Московской и Владимирской губерниях и употреблявшей как американское, так и среднеазиатское сырье. Прядильно-ткацкое производство, благодаря дешевизне его продукции, стремительно развилось под влиянием местного массового спроса, причём фабрики быстро поглотили домашние крестьянские промыслы. Шульце-Геверниц особо отметил значение старообрядческого предпринимательства для становления промышленности региона, сравнив его с ролью квакеров в истории бизнеса Великобритании и США. По его словам, раскол «послужил школой для развития индивидуальности, что вело за собой освобождение личности от прежнего подчинения группе». Он считал вполне применимыми к России слова У. Петти: «еретические учения и богатство часто идут вместе». Автор констатировал, что в лице фабрикантов центральных губерний возникла «молодая и энергичная экономическая партия», представители которой являются «на русской почве ядром первой партии в западноевропейском смысле» [Там же. С. 42–44, 50, 57, 60, 63–65, 72–74, 88, 168, 199].

Шульце-Геверниц дал оценку протекционистским мерам правительства, которые предпринимались как с фискальными целями, так и для поддержки отечественной промышленности. В первой половине XIX в. ужесточение таможенной охраны не дало сколько-нибудь значимых результатов, а при Александре II были приняты более мягкие умеренно-охранительные тарифы 1857 и 1868 гг., но уже с 1877 г. Министерство финансов взяло курс на систематическое повышение пошлин, апогеем которого стал запретительный тариф 1891 г. Подобная политика проводилась в русле общемирового тренда, так как в это время ведущие европейские державы стали придерживаться протекционистской модели. Шульце-Геверниц утверждал, что «гвардией таможенно-охранительной системы» были именно московские фабриканты, заинтересованные в защите не только от иностранных, но и от отечественных конкурентов, находившихся в более благоприятных географических условиях для ввоза американского хлопка-сырца, прежде всего промышленников из городов балтийского побережья. «Москвичи» отстаивали свою позицию в союзе с влиятельными консервативными кругами, выступавшими за независимое от Запада «национальное народное хозяйство» [Там же. С. 71, 201–203, 216–217, 222].

Немецкий экономист признал правомерность протекционистского курса правительства, стремившегося защитить высокими пошлинами нарождавшуюся крупную промышленность, и отметил большие достижения в этой области в царствование Александра III. Однако, полагал он, «таможенная охрана отнюдь не принадлежит к числу тех вещей, для которых справедливо изречение: чем больше, тем лучше». По его убеждению, именно либерализация внешнеторговой политики при Александре II и ввоз необходимых для индустриализации товаров позволили России совершить серьёзный рывок в экономическом

развитии. Шульце-Геверниц указал на крайности применения запретительной системы, которые наносят ущерб промышленному развитию. Отсутствие конкуренции способствовало образованию самой высокой в Европе нормы прибыли, которая позволяет фабрикантам «пребывать в ленивой рутине», а «на подобной почве не процветают хозяйственные добродетели — самопомощь и ответственность перед самим собой», что неизбежно тормозит технический прогресс. Кроме того, повышение пошлин привело к росту цен на товары, затруднило их сбыт на внутреннем рынке и ограничило потребление [Там же. С. 220, 223–229].

Шульце-Геверниц подчеркнул тесную связь интересов промышленности и аграрного сектора, отметив непонимание этого очевидного факта «практиками индустриализма», которые забывают, что рост фабрично-заводского производства и доходы казны зависят от платёжеспособности крестьянства. Однако огромные пространства сельской России до сих пор закрыты для сбыта промышленных товаров вследствие господства там натурального хозяйства. Поэтому первоочередной задачей является «поднятие покупательной силы русского народа», «развития зажиточных крестьянских хозяйств, платящих исправно налоги и покупающих продукты промышленности». В качестве примера автор привёл Индию, которая стала крупным приобретателем британских товаров по мере сооружения железных дорог и расширения хлебного экспорта. По его утверждению, «только этим путём русский капитализм завербует себе миллионы потребителей и приобретёт себе широкий базис». Но вывоз зерна за рубеж связан с большими трудностями, так как высокие пошлины европейских стран ориентированы прежде всего на ограничение поставок зарубежной сельскохозяйственной продукции. Поэтому автор считал целесообразным подать пример Западу и ослабить таможенную защиту, причём постепенно и в умеренном масштабе, чтобы не нанести ущерб промышленности. Тогда есть надежда, что и другие страны пересмотрят свою протекционистскую политику и откроют дорогу российскому хлебу [Там же. С. 229–232, 254].

В своей книге Шульце-Геверниц подробно остановился на положении рабочих в России, которые, как он полагал, в отличие от своих западных собратьев, по менталитету не отличались от сельских жителей, продолжали сохранять связь с землёй, ощущать себя членами общины и считать крестьянский труд своим основным занятием. Они временно нанимались на предприятия только ради заработка, ненавидели фабрику и питали отвращение к машинам. Этому способствовали также условия их существования на производстве — бесправие, произвол хозяев, чрезмерно низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, вынужденные покупки товаров в фабричных лавках по завышенным ценам, запрещение стачек, которые рассматривались законом как уголовное преступление, проживание в переполненных казармах без соблюдения элементарной гигиены. Однако даже в этих убогих жилищах рабочие следовали своим коллективистским традициям и объединялись в артели для совместного ведения домашнего хозяйства, напоминавшие фамилистеры во Франции и Бельгии, основанные по заветам социалиста-утописта Ш. Фурье. В отличие от них западноевропейский рабочий представлял собой тип индивидуалиста, не находившего удовольствия в массовых трапезах [Там же. С. 107–117, 120–124, 127].

Шульце-Геверниц подчеркнул, что непостоянный состав рабочих — и причина низкого качества труда, и тормоз формирования квалифицированных кадров. Попытки владельцев удержать их с помощью долгосрочных договоров или строгих запретов покидать территорию предприятия оканчивались безрезультатно. Вместе с тем автор указал на позитивные перемены последних лет — постепенно распадаются артели и их место занимает обычная семья, условия жизни и образ мышления «фабричного люда» начинают приближаться к западноевропейским стандартам. Шульце-Геверниц во многом связывал эти явления с изменениями в правовом статусе рабочих. В 1882–1897 гг. в России были приняты законы, которые запрещали труд малолетних детей, ночные смены для подростков

и женщин, нормировали продолжительность рабочего дня, регулировали отношения хозяев и рабочих, касавшихся найма и увольнения, выдачи заработной платы, наложения штрафов, и т.п. Кроме того, по мнению автора, свою роль сыграло и распространение образования среди населения, открытие новых школ, в том числе и на предприятиях, народных библиотек, читален. Но особое значение, с его точки зрения, имел развернувшийся процесс отделения рабочих от деревни и образования из них устойчивого социального слоя. Поэтому он полагал, что правительству следует законодательным путём облегчить им выход из общины, к которой они привязаны паспортной системой и как плательщики податей [Там же. С. 115, 116 118, 120, 124–140].

Подводя итоги, Шульце-Геверниц указал, что промышленность России носит «колониальный» характер, так как формы крупного производства были перенесены сюда с Запада «в готовом виде», однако их пытались укоренить в стране, бедной капиталами и кредитом, а также со «средневековой народной психологией». Поэтому долгое время в отдельные периоды не только не наблюдалось значительного индустриального роста, но происходило даже «регрессивное движение». Сопоставляя российскую хлопчатобумажную промышленность с британской, автор отметил в России целый ряд негативных особенностей — высокую концентрацию и дороговизну капитала, слабую специализацию предприятий и комбинирование на них различных стадий производственного процесса. Это свидетельствовало о неразвитости рыночных отношений и ограниченности потребления, низкой производительности труда, значительном коэффициенте брака из-за низкого качества сырья и недостаточной квалификации рабочих, чрезмерном количестве лиц, обслуживавших одну единицу техники, большие издержки на администрацию, заработную плату и т.п. [Там же. С. 88–100, 106, 213].

Тем не менее Шульце-Геверниц с оптимизмом оценивал перспективы развития российской промышленности. Он отверг точку зрения славянофилов и других консерваторов о том, что капитализм не имеет в стране подходящей основы и никогда не достигнет такого уровня, как в Европе. Напротив, по его утверждению, «нигде нет более благоприятной почвы для современного капитализма, как в России». По мере расширения связей с Западом исчезает её «меркантилистическая замкнутость», идёт «европеизация» народного хозяйства, в широких слоях населения происходит становление «психологического типа европейца», который «оказывается более пригодным для удовлетворения экономических потребностей общества». Поэтому промышленность утрачивает колониальный характер, возрастает предпринимательская активность, капитал становится дешевле, а кредит — доступнее. Пользуясь терминологией Ф. Листа, автор констатировал, что Россия в настоящее время переживает «стадию мануфактурно-агрикультурного государства» [Там же. С. 4, 50, 51, 90, 91, 224, 254].

В своём труде Шульце-Геверниц обобщил значительный объём самых различных материалов и изложил свою точку зрения по целому ряду аспектов темы. Однако рассуждая об особенностях развития промышленности в России, он строил свои выводы на довольно узкой основе — состоянии хлопчатобумажного производства, и всё сравнение с Западом шло только по линии этой же отрасли в Великобритании. Кроме того, автор ограничил своё исследование текстильными предприятиями Московской и Владимирской губерний, не уделяя должного внимания другим промышленным районам, где имелась своя специфика. При этом Шульце-Геверниц высказал ряд спорных мнений, вообще характерных для германской русистики того времени. Он видел причину отсталости России, замедленного развития её экономики и низкой производительности труда прежде всего в «некультурности» населения и его архаичном мышлении. Однако автор не учёл различия в природно-географических условиях России и Западной Европы, более высокую себестоимость производства в империи вследствие сурового климата, а также неизбежные издержки качественного характера, сопутствовавшие стране «догоняющего» развития при ускоренной трансформации.

Шульце-Геверниц связывал успехи крупной промышленности прежде всего с заимствованием опыта европейских стран, привлечением иностранного капитала, участием зарубежных бизнесменов и техников, но при этом явно недооценивал роль «автономных сил», отечественного предпринимательства в процессе индустриализации. Он сделал оптимистическое заключение в духе германской исторической школы о будущем российской промышленности с учётом её стремительного подъёма в 1890-х гг., однако кризис, разразившийся в 1900–1903 гг., нанёс ей серьёзный ущерб и выявил многие слабые стороны. Кроме того, немецкий учёный не всегда адекватно оценивал реалии общественной жизни России. В частности, он без особых оснований рассматривал московских фабрикантов как некую влиятельную политическую силу и даже как формирующуюся партию западноевропейского типа. Однако, несмотря на все недостатки, книга Шульце-Геверница получила признание в научном сообществе и в дальнейшем широко использовалась специалистами по экономической истории России.

ЛИТЕРАТУРА

Дорожкин А.Г. (2004). *Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в.* — М.: МПГУ.

Ленин В.И. (1962). Из «Основ социальной экономики» // *Полное собрание сочинений* в 55 т. Т. 28: Тетради по империализму. — М.: Издательство политической литературы.

Ленин В.И. (1969). Империализм, как высшая стадия капитализма // *Полное собрание сочинений* в 55 т. Т. 27: Август 1915 — июнь 1916. — М.: Издательство политической литературы.

Люксембург Р. (1959). *Социальная реформа или революция*. — М.: Государственное издательство политической литературы.

Пайпс Р. (2001). *Струве: левый либерал. 1870–1905*. В 2 т. Т. 1. — М.: Московская школа политических исследований.

Шульце-Геверниц Г. фон. (1897). *Крупное производство, его значение для экономического и социального прогресса: Этюд из области хлопчатобумажной промышленности* / Пер. с нем. Л.Б. Красина; под ред. и с предисл. П.Б. Струве. — СПб.: Л.Ф. Пантелеев.

Шульце-Геверниц Г. фон. (1899). *Крупное производство в России: (Московско-владимирская хлопчатобумажная промышленность)* / Пер. с нем. и предисл. Б.В. Авилова. — М.: Книжное Дело.

Шульце-Геверниц Г. фон. (1901). *Очерки общественного хозяйства и экономической политики России* / Пер. с нем.; под ред. Б.В. Авилова и П.П. Румянцева, с предисл. П.Б. Струве. — СПб.: Н.М. Глаголев.

Schmoller G. von. (1893). Besprechung // *Preußische Jahrbücher*. Bd. 71. — Berlin: Verlag von Germann Walther. S. 156–159.

REFERENCES

Dorozhkin A.G. (2004). *Industrial and agrarian development of pre-revolutionary Russia: the view of German-speaking historians of the 20th century*. — M.: MPGU. (In Russ).

Lenin V.I. (1962). From the «Fundamentals of Social Economics» // *Complete works*. In 55 vols. Vol. 28: Notebooks on imperialism. — M.: Publishing House of Political literature. (In Russ).

Lenin V.I. (1969). Imperialism as the highest stage of capitalism // *Complete works*. In 55 vols. Vol. 27: August 1915 — June 1916. — M.: Publishing House of Political Literature. (In Russ).

Luxembourg R. (1959). *Social reform or revolution*. — M.: State Publishing House of Political Literature. (In Russ).

Pipes R. (2001). *Struve: a left-wing liberal. 1870–1905*. In 2 vol. Vol. 1. — M.: Moscow School of Political Studies. (In Russ).

Schmoller G. von. (1893). Review // Prussian yearbooks. Vol. 71. — Berlin: Hermann Walter Publishing House. Pp. 156–159. (In German).

Schulze-Gaevernitz G. von. (1897). *Large-scale production, its importance for economic and social progress: A study from the cotton industry* / Translated from the German by L.B. Krasin; ed. and with a preface by P.B. Struve. — St. Petersburg: L.F. Panteleev. (In Russ).

Schulze-Gaevernitz G. von. (1899). *Large-scale production in Russia: (Moscow-Vladimir cotton industry)* / Translated from German and foreword by B.V. Avilov. — M.: Book Business. (In Russ).

Schulze-Gaevernitz G. von. (1901). *Essays on Public Economy and Economic Policy in Russia*. Translated from German by B.V. Avilov and P.P. Rumyantsev, with a preface by P.B. Struve. — St. Petersburg: N.M. Glagolev. (In Russ).

Степанов Валерий Леонидович
ORCID: 0000-0002-5259-7764
valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov
doctor habilitatus in history, main research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences (Moscow)
ORCID: 0000-0002-5259-7764
valerij-stepanov@mail.ru

GERHART VON SCHULZE-GAEVERNITZ ON THE PECULIARITIES OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Abstract. The article examines the analysis of the state of Russian industry in the second half of the 19th century, undertaken by a prominent representative of the German historical school, G. von Schulze-Gaevernitz. He pointed out a number of significant disadvantages of the industrialization process: high concentration and high cost of capital, low labor productivity, weak specialization of enterprises and the combination of various stages of the production process, a significant rejection rate, extremely difficult working and living conditions for workers, high costs of administration and wages, etc. However, the author interpreted the causes of these phenomena one-sidedly, without taking into account the differences in the natural and geographical conditions of the empire and Western Europe, and the inevitable qualitative costs that accompanied the country's «catching up» development with accelerated transformation. Nevertheless, Schulze-Gaevernitz was optimistic about the prospects for the development of Russian industry. He argued that as economic ties with the West expand, Russia's «mercantilistic isolation» disappears, entrepreneurial activity increases, and a European psychological type develops among the general population. At the same time, the author attributed the success of large-scale industry primarily to borrowing the experience of advanced countries and attracting foreign capital, but at the same time clearly underestimated the role of domestic entrepreneurship. Schulze-Gaevernitz based his general conclusions on the study of cotton production, and all comparisons with the West were based only on the same industry in the United Kingdom. In addition, he limited his research mainly to the textile enterprises of the central provinces, without paying due attention to other industrial areas, which had their own specifics.

Keywords: *German historical school, capitalism, industry, cotton production, trade, protectionism, customs protection, wage labor.*
JEL: B14; B15; B31; F13; N64, N73.